

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-3-47-53

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.42

Дата поступления: 01.08.2022

рецензирования: 03.09.2022

принятия: 15.10.2022

**Способы обеспечения исполнения обязательств и институт астрента
в гражданском праве России****Л. В. Зарапина**

Российский государственный университет правосудия,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: zarapinalv@mail.ru

Н. С. Купцов

Российский государственный университет правосудия,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: Kuptsov_NS02@mail.ru

Аннотация: Становление и развитие человеческого общества, углубление, расширение и усложнение хозяйственно-экономических и межличностных отношений между взаимодействующими субъектами, а также высокая степень интеграции и сближения современных политических, экономических и правовых систем различных государств с неизбежностью влекут постановку значительных научных проблем и вызовов перед исследователями в самых разнообразных сферах. В этом смысле доктрина и практическое воплощение отрасли гражданского права не являются исключениями: стремительно изменяющиеся условия хозяйственной деятельности и торгово-экономического оборота естественным образом понуждают законодателя и ученое сообщество к поиску новых, более современных и актуальных инструментов правового регулирования широкого спектра гражданских правоотношений между субъектами, которые, в сущности, и формируют экономический оборот в рамках конкретного общества и государства. Подобная тенденция с разной степенью интенсивности затрагивает все подотрасли и институты цивилистики, в том числе способы обеспечения гражданско-правовых обязательств. Несомненно, на сегодняшний день здесь наблюдается множество путей для развития. Обеспечение надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств субъектами гражданского права выступает одним из наиболее важных и, как следствие, спорных, «проблемных» вопросов как в отечественной и зарубежной цивилистической доктрине, так и в обширной практике правоприменения. В этой связи центральное значение приобретают научное рассмотрение и изучение конкретных способов обеспечения исполнения обязательств, многие из которых постепенно находят легальное закрепление в законодательстве Российской Федерации. Вместе с тем в силу отсутствия реального практического опыта, а также недостаточности доктринальных источников суть многих из них, а также актуальность и необходимость их применения вызывают серьезные разногласия в среде научного и профессионального юридического сообщества. Одним из таких институтов на данном этапе представляется институт астрента. Статья посвящена рассмотрению некоторых проблемных аспектов определения теоретической сущности астрента, способных повлиять на последующие уточнения или изменения текста соответствующих нормативных правовых актов Российской Федерации. Целью работы является попытка определения теоретической сущности института астрента во взаимосвязи с двойственной природой его наиболее существенных правовых признаков.

Ключевые слова: гражданско-правовые обязательства; способы обеспечения исполнения обязательств; астрент.

Цитирование. Купцов Н. С., Зарапина Л. В. Способы обеспечения исполнения обязательств и институт астрента в гражданском праве России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 3. С. 47–53. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-3-47-53>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Зарапина Л. В., Купцов Н. С., 2022

Лидия Владимировна Зарапина – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

Никита Сергеевич Купцов – студент очного юридического факультета, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.08.2022

Revised: 03.09.2022

Accepted: 15.10.2022

Methods of enforcing obligations and the astrent institute in civil law of Russia**L. V. Zarapina**

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

E-mail: zarapinalv@mail.ru

N. S. Kuptsov

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

E-mail: Kuptsov_NS02@mail.ru

Abstract: The formation and development of human society, the deepening, expansion and complication of economic, economic and interpersonal relations between interacting subjects, as well as a high degree of integration and convergence of modern political, economic and legal systems of various states inevitably entail the formulation of significant scientific problems and challenges for researchers in a wide variety of fields. In this sense, the doctrine and practical implementation of the branch of civil law are no exception: the rapidly changing conditions of economic activity and trade and economic turnover naturally force the legislator and the scientific community to search for new, more modern and relevant instruments of legal regulation of a wide range of civil legal relations between subjects that in essence, they form the economic turnover within a particular society and state. This trend, with varying degrees of intensity, affects all sub-sectors and institutions of civil law, including ways to ensure civil law obligations: undoubtedly, today there are many ways for development. Ensuring the proper performance of civil obligations by the subjects of civil law is one of the most important and, as a result, controversial, “problematic” issues both in domestic and foreign civil law doctrine and in extensive law enforcement practice. In this regard, of central importance is the scientific consideration and study of specific ways to ensure the fulfillment of obligations, many of which are gradually being legally enshrined in the legislation of the Russian Federation. At the same time, due to the lack of real practical experience, as well as the insufficiency of doctrinal sources, the essence of many of them, as well as the relevance and necessity of their application, causes serious disagreement among the scientific and professional legal community. One of these institutions at this stage is the institute of astrent. The article is devoted to the consideration of some problematic aspects of determining the theoretical essence of astrent, which may affect subsequent clarifications or changes in the text of the relevant regulatory legal acts of the Russian Federation. The aim of the work is an attempt to determine the theoretical essence of the institute of astrent in connection with the dual nature of its most significant legal features.

Key words: civil law obligations; ways to ensure the fulfillment of obligations; astrent.

Citation. Kuptsov N. S., Zarapina L. V. *Sposoby obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv i institut astrenta v grazhdanskom prave Rossii* [Methods of enforcing obligations and the astrent institute in civil law of Russia]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 3, pp. 47–53. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-3-47-53> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Zarapina L. V., Kuptsov N. S., 2022

Lidiya V. Zarapina – Candidate of Laws, associate professor of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, 69, Novocheryomushkinskaya Street, Moscow, 117418, Russian Federation.

Nikita S. Kuptsov – full-time student of the faculty of law, Russian State University of Justice, 69, Novocheryomushkinskaya Street, Moscow, 117418, Russian Federation.

Введение

Научно-теоретический и практико-нормативный блок обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств выступает одной из базовых и важнейших частей как отечественного и зарубежного обязательственного права, так и всей гражданско-правовой отрасли в целом. Кредитор и должник, по соглашению (договору) определяя взаимные права и обязанности в рамках возникающего между ними гражданского правоотношения, естественным образом заинтересованы в максимально полном, эффективном и добросовестном выполнении друг перед другом взятых по взаимной договоренности на себя обязанностей. В этом смысле институт обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве имеет едва ли не первостепенное значение для нормальной организации и поддержания обязательственных правоотношений между физическими и (или) юридическими лицами, а также публично-правовыми образованиями в целом: очевидно, что без надлежащего закрепления в тексте гражданско-правового договора или отдельного нормативного правового акта конкретных возможностей законного влияния на должника (или кредитора) с целью обеспечить надлежащее исполнение им взятого на себя обязательства невозможно «здоровое» функционирование норм обязательственного права как таковых. Вне использования принципов

и норм права, регулирующих применение и функционирование способов обеспечения исполнения обязательств в повседневной обязательственной практике, кратно возрастает риск недобросовестного поведения участников гражданско-правового оборота и, следовательно, нарушения прав, свобод и законных интересов их контрагентов, что в конечном итоге с неизбежностью приведет к снижению эффективности и интенсивности товарного и экономического оборота. Подобное отношение к институту обеспечения надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств в цивилистике, безусловно устоялось: так, В. В. Зайцев указывает на то, что «надлежащее исполнение договорных обязательств представляет собой основу функционирования любой экономической системы, создавая условия, необходимые для осуществления прав субъектов гражданского оборота, стабилизации и развития экономических процессов...» [1, с. 5]; признанный авторитет отечественной теории гражданского права Б. М. Гонгало в этой связи еще в 2002 году указывал, что именно юридическое оформление в гражданском законодательстве способов обеспечения исполнения обязательств не в последнюю очередь позволит вывести российскую экономику из последствий обширного кризисного периода конца XX века путем упорядочения и повышения гарантий добросовестности и реальной исполнимости договорных правоотно-

шений между участниками экономического оборота [2, с. 16-17]. Институт обеспечения исполнения обязательств подробно рассматривался и Г. Ф. Шершеневичем – фактическим родоначальником отечественной цивилистической доктрины [3, с. 430–442].

При этом сегодня не теряет своей научной актуальности вопрос о способах обеспечения исполнения обязательств, во многом из-за их стремительного обновления и развития на фоне многократно ускоряющегося и усложняющегося экономического и товарного оборота. В этой связи совершенно естественно, что установленный в гл. 23 ГК РФ¹ перечень способов обеспечения исполнения обязательств носит открытый характер: п. 1 ст. 329 Гражданского кодекса устанавливает возможность использования сторонами обязательственного правоотношения и таких способов обеспечения исполнения обязательств, которые не нашли своего прямого закрепления в тексте указанного закона. Применение обеспечительных мер в отношении обязательства, таким образом, носит ярко выраженный диспозитивный характер. Такой подход представляется принципиально необходимым и практически оправданным: он не только согласуется с базовыми для отрасли гражданского права принципами диспозитивности и свободы договора, но и позволяет конкретным участникам гражданско-правовых отношений не попасть под жесткий «диктат» законодательства, конструируя обязательства, их элементы и способы обеспечения исполнения сообразно с конкретными условиями, особенностями или рамками, имеющими определяющее значение для наиболее эффективного и добросовестного удовлетворения интересов обеих сторон. Последнее особенно важно в ситуации быстро изменяющихся экономических условий и тенденций развития: возможность использования сторонами обеспечительных мер, не поименованных в законе, но имеющих опыт реального применения на практике, сказывается на общем климате гражданского оборота и предпринимательства строго положительно. Зачастую способ обеспечения исполнения обязательства может годами применяться в практике гражданского оборота, прежде чем получит официальное закрепление в тексте законодательного акта. Характерным примером в этой связи может стать введение в 2015 году в текст ГК РФ ст. 381.1 и ст. 381.2², установивших сущность и правила применения обеспечительного платежа в качестве способа обеспечения гражданско-правового обязательства; вместе с тем такое дополнение текста закона, в сущности,

лишь окончательно зафиксировало требования и условия обеспечительного платежа – в действительности данный способ активно применялся и без соответствующего упоминания в законе.

Отметим, что исследования в области непоименованных в тексте Гражданского кодекса РФ способов обеспечения исполнения обязательств представили на сегодняшний день довольно обширный их список, который не только не уступает по объему перечню легально закрепленных способов, но и во многом превосходит его в количественном отношении. Так, С. А. Ананьев на основе исследования материалов судебной и правоприменительной практики выделяет среди таких способов фидуциарный залог и сделки РЕПО, обеспечительную уступку права требования и факторинг, государственную и муниципальную гарантию, возвратный задаток, товарную неустойку и др. [4, с. 4–7]. С большой долей вероятности многим из них еще предстоит получить официальную фиксацию в тексте ГК РФ, что, впрочем, не мешает участникам обязательственных правоотношений использовать их для наиболее эффективного обеспечения выполнения условий достигнутого гражданско-правового соглашения. Вместе с тем отдельные институты обязательственного характера в гражданском праве России представляют особый интерес ввиду своей новизны, недостаточной доктринальной разработки и, как следствие, отсутствия обширной практики применения. Думается, одним из таких примеров может стать институт астрента, постепенно внедряющийся в отечественную правовую систему.

Основная часть

Институт астрента как элемент цивилистической подотрасли обязательственного права сформировался во Франции в XIX веке, откуда впоследствии успешно распространился в правовые системы иных европейских государств, в частности Италии, Бельгии, Германии, стран Скандинавии. Довольно обширная география применения института астрента, как представляется автору, объясняется прежде всего относительной новизной, «свежестью» и эффективностью применения указанного института в практике обязательственных правоотношений: его суть заключается в возможности наложения судом на должника определенных санкций за неисполнение или несвоевременное исполнение вынесенного по гражданскому делу решения в пользу кредитора (стороны, выигравшей по делу) [5, с. 178–179]. Естественно, что многократное развитие в течение XIX века промышленности и предпринимательства в развитых странах Европы сделало необходимым появление и развитие соответствующего правового института для повышения эффективности правового регулирования гражданских правоотношений, достижения большей степени справедливости и законности при осуществлении правосудия. Астрент фактически позволил сторонам обязательства обеспечить выполнение друг перед другом не только

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (акт. ред. с изменениями от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. ст. 3301

² Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1412

достигнутых по соглашению между ними обязанностей, но и выполнение контрагентом условий вынесенного по делу судебного решения, если положения такого решения предусматривали нешение им каких-либо обязанностей в отношении выигравшей судебный процесс стороны. Именно в таком контексте астрент сформировался в качестве обеспечительного института обязательственного права; принято относить его к сравнительно недавно оформившимся способам обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств.

Принадлежность перечисленных выше европейских государств к романо-германской правовой семье, частью которой выступает и правовая система Российской Федерации, а также неуклонная политика на обновление отечественного права и законодательства с неизбежностью повлекли постепенный переход института астрента в систему российского гражданского права. Несмотря на очевидную полезность астрента в системе регулирования гражданских правоотношений, прямое закрепление его в тексте Гражданского кодекса РФ произошло лишь в 2015 году путем дополнения текста закона ст. 308.3³: она, в частности, предполагает возможность кредитора потребовать от должника исполнения обязательства в натуре (в случае его неисполнения в соответствии с соглашением); а суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения должником судебного акта. При этом положения ст. 308.3 ГК РФ содержат прямую отсылку к п. 1 ст. 330 ГК РФ, устанавливающему и регулируемому институт неустойки как наиболее распространенный способ обеспечения исполнения обязательств. В этой связи можно сделать вывод о том, что в представлении российского законодателя астрент, если и не является разновидностью неустойки напрямую, то, по крайней мере, является близким ей понятием настолько, что для регулирования подобного института возможно применение по аналогии норм, регулирующих применение неустойки. Еще более однозначный подход продемонстрировал Верховный Суд РФ: развивая положения ст. 308.3 ГК РФ, Пленум напрямую определяет астрент как «судебную неустойку»⁴.

Справедливо, однако, отметить следующее: на сегодняшний день однозначная позиция о том, чем именно в теории и практике гражданского права является астрент, не просто не сформирована, но вызывает серьезные споры и разногласия в

среде научного сообщества. Конечно, этому способствует несколько принципиально важных причин. Прежде всего сущность института астрента в системе гражданско-правового регулирования коренным образом отличается в различных государствах романо-германской правовой семьи. Так, можно говорить о формировании двух фактически противоположных концепций: французской (классической), в которой астрент выступает отдельным частно-правовым институтом, а уплата денежной суммы за неисполнение решения суда по делу присуждается победившей стороне, и германской, где институт астрента имеет ярко выраженный публично-правовой окрас, проявляющийся в уплате обязанной стороной установленной суммы за неисполнение судебного решения в казну государства [6, с. 73]. Иными словами, французский опыт гражданско-правового регулирования определяет астрент как один из способов обеспечения исполнения обязательства должника перед кредитором на стадии выполнения условий вынесенного судебного решения, астрент выступает здесь в качестве частной меры принуждения; германская же концепция исходит из того, что астрент выступает фактически мерой материальной ответственности обязанной по делу стороны за неисполнение решения суда перед государством. Более того, в отдельных европейских странах и вовсе устоялся «срединный» подход: так, в Португалии половина суммы астрента уплачивается государству, а половина – взыскателю по делу [6, с. 73]. Поскольку Россия на протяжении всей истории формирования собственной системы права многократно перенимала соответствующий опыт целого ряда европейских государств, совершенно естественно, что существование различных подходов к пониманию астрента в романо-германской правовой семье неизбежно влечет споры и дискуссии отечественных исследователей и практиков о том, опыт какого европейского государства окажется наиболее применим и эффективен в российской правовой среде. Впрочем, исходя из анализа положений ст. 308.3 ГК РФ, на сегодняшний день законодателю импонирует именно французская модель астрента. Существуют, однако, гораздо более конкретные причины разногласий и расхождений по вопросу определения теоретической сущности астрента в Российской Федерации. Дело в том, что впервые в отечественном гражданском праве институт астрента был упомянут и определен в Постановлении Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»⁵. В данной ситуации суд в условиях полно-

³ Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1412

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Май 2016 г. № 5

⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014 г. № 6 (не применяется в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

го отсутствия законодательного регулирования по данному вопросу взял на себя роль законодателя и ввел в правовую систему принципиально новый гражданско-правовой институт. Естественно, это привело к формированию множественных подходов правоприменителя в отношении определения и применения астрента [7, с. 175–178].

Автору представляется, что достижение консенсуса российского ученого сообщества по вопросу определения теоретической сущности института астрента возможно только в ходе длительного изучения позиций отечественных и зарубежных исследователей, материалов судебной практики, а также конкретных условий и особенностей российской системы права, могущих оказать существенное влияние на формирование и корректирование института астрента сообразно с контекстом отечественного правотворчества и правоприменения. Вместе с тем отдельно отметим следующее.

Думается, с большой долей сомнения следует относиться к полноценному и безальтернативному отнесению института астрента к одному из видов гражданско-правовой неустойки. Подобное мнение высказывалось видными исследователями-цивилистами современной науки гражданского права: так, В. В. Витрянский, вопреки позиции законодателя, убежден в том, что понятие неустойки «не имеет к астренту никакого отношения и не может заменить его детальное регулирование»; следовательно, автор полагает теоретически и практически неверным наличие в тексте п. 1 ст. 308.3 ГК РФ отсылки к положениям ст. 330 ГК РФ, регулирующим применение неустойки [8, с. 239]. Такая позиция имеет достаточное количество весомых аргументов. Неустойка в соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ определяется законом или договором между сторонами обязательственного правоотношения и выступает одним из «классических», наиболее распространенных способов обеспечения исполнения обязательств. Следовательно, ее размер и порядок уплаты устанавливается по соглашению сторон еще на стадии разработки наиболее существенных условий конкретного гражданско-правового договора. Это резко контрастирует с понятием астрента, размер которого определяется судом и уже на стадии вынесения решения по делу, то есть разрешения возникшего спора между сторонами-участниками правоотношения. Коренное различие между рассматриваемыми правовыми институтами заключается и в том, что они имеют принципиально разную функциональную направленность: в то время как неустойка призвана возместить, компенсировать кредиторы гипотетические убытки за недобросовестное исполнение должником принятого на себя обязательства, астрент имеет ярко выраженный стимулирующий характер, проявляющийся в необходимости принудить проигравшую по делу сторону добровольно, вне обращения к специализированным государственным органам исполнения, исполнить вынесенное судебное решение. На таком различии,

в частности, настаивает Р. С. Зардов [5, с. 183]. Как видно, даже при столь неглубоком сравнительном анализе институтов астрента и неустойки безапелляционное провозглашение их теоретического равенства видится весьма сомнительным.

Более того, неоднозначным представляется отнесение астрента к способам обеспечения исполнения обязательства в целом. С одной стороны, рассматриваемый институт действительно обладает рядом характерных признаков: нацелен на понуждение должника к выполнению условий судебного решения, имеет характер инструмента в двусторонних взаимоотношениях, имеющих определенное обязательственное содержание. Но очевидна теоретическая «нестыковка»: астрент имеет отношение к правоотношению субъектов по поводу возникшего гражданско-правового спора, в то время как все обеспечивающие исполнение обязательства способы применяются именно на предшествующем этапе – регулировании самого обязательственного правоотношения. Иными словами, гражданско-правовой судебный спор и возникающие в этой связи правоотношения уже не являются гражданско-правовыми обязательствами, а значит, причисление астрента к способам обеспечения исполнения обязательств представляется по меньшей мере непоследовательным. Например, на этом настаивал целый ряд профессиональных исследователей сразу после принятия упоминавшегося выше Постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 года № 22 [9, с. 40].

В противовес всему вышесказанному и вопреки возможным ожиданиям, институт астрента едва ли можно отнести к мерам гражданско-правовой ответственности: хотя бы потому, что негативные для исполнителя материальные последствия, которыми астрент в сущности и является, наступают для него лишь в случае недобросовестного или несвоевременного исполнения судебного решения; в противном случае положения решения суда об астренте просто не применяются. Это составляет принципиальное отличие астрента от мер гражданско-правовой ответственности: последние в случае их назначения судом обязательны для исполнения в любом случае. Впрочем, в доктрине представлена и противоположная точка зрения: так, Л. Н. Кольцова определяет астрент именно как меру ответственности должника за неисполнение судебного решения. Характерно при этом, что автор не отказывается и от наиболее распространенного наименования астрента как судебной неустойки [10, с. 103–107].

Представляется, что столь полярные расхождения исследователей по вопросу определения теоретической сущности астрента связаны прежде всего с его яркой и в значительной степени уникальной чертой: астрент, по сути, выступает любопытным и вполне органичным объединением частноправовой и публично-правовой категорий. С одной стороны, астрент является институтом отрасли диспозитивного гражданского права, являющегося отраслью частного

права; применяется в правоотношениях между участниками гражданско-правового оборота; сумма астрента не является фиксированной и в полном объеме уплачивается контрагенту, а не в государственный или региональный бюджет; сама по себе возможность назначения астрента выступает лишь субъективным правом кредитора, то есть тоже имеет диспозитивный характер. С другой же стороны, назначение и определение денежного размера астрента осуществляется судом; важнейшей задачей астрента выступает принуждение должника к выполнению судебного решения, которое, хотя и выносится в порядке гражданского судопроизводства, не теряет от этого своего публично-правового характера. Думается, именно в этом симбиозе частно-правовых и публично-правовых признаков и кроется наиболее верный подход к определению сущности института астрента. Так, автор позволит себе солидаризироваться с мнением А. О. Молюянова и Я. И. Семенова, полагающих, что основным назначением астрента выступает стимулирование должника на надлежащее исполнение судебного решения, следовательно, теоретически верно будет определить астрент как стимулирующую меру или меру стимулирования исполнения судебного решения [11, с. 32–35].

Заключение

Представляется, что такой подход поможет не только доктринально подчеркнуть особый характер астрента в системе гражданско-правовых институтов, но и наиболее органично совместить в нем частно-правовые и публично-правовые начала, что позволит повысить как общий уровень добросовестности поведения должников по гражданско-правовым судебным делам, так и повысить степень эффективности гражданского судопроизводства путем усиления направленности на обеспечение исполнимости судебного решения вне деятельности органов судебного исполнения. В этой связи весьма перспективным усматривается дальнейшее законодательное расширение применения астрента ко всем видам и формам гражданского судопроизводства; кроме того, желательным и обоснованным представляется рассмотрение вопроса о возможности отчисления части суммы астрента в бюджет соответствующего публично-правового образования. В этом случае и без того многоаспектный институт астрента возьмет на себя функцию своеобразного штрафа за неисполнение судебного решения, что, по мнению авторов, приведет к значительному повышению уровня уважения к суду и судебной системе Российской Федерации в целом.

Библиографический список

1. Зайцев В. В. Обеспечение исполнения обязательств: история, современность и перспективы развития: монография. Москва: Статут, 2021. 396 с. URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=40088>.
2. Гонгало Б. М. Избранное: в 5 томах. Том 1. Гражданское право. 1992–2002. Москва: Статут, 2021. 416 с. URL: <https://www.estatut.ru/download.php?trid=4201>.
3. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Москва: Статут, 2017. 832 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t5/.
4. Ананьев С. А. Роль и место непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском законодательстве // Наука. Общество. образование: материалы всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 25 февраля 2018 года / под общ. ред. Барашевой Е. В. Иркутск: ООО «Сетевой институт дополнительного профессионального образования», 2018. С. 4–7. URL: <https://posidpo.ru/ananev-s-a-rol-i-mesto-nepoimenovannyih-sposobov-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv-v-grazhdanskom-zakonodatelstve>.
5. Зардов Р. С. Законная неустойка в российском праве: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. 228 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=361772>.
6. Канаева А. В., Добрынина О. И. Астрент: история развития и этапы становления в российском праве // Инновационная экономика и право. 2019. № 2 (14). С. 71–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42931308>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zzxywe>.
7. Шевергина Т. В. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и практики // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 2-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 5 т Курск, 13–14 декабря 2017 года / ответственный редактор А. А. Горохов. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. С. 175–178. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31738643>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ybcdxi>.
8. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги: монография. Москва: Статут, 2017. 431 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=335722>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29348500>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ysgbkp>.
9. Парфенчиков А., Ярков В., Боннер А. [и др.] Астрент в российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 34–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22296671>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stxwkr>.
10. Кольцова Л. Н. Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение судебного решения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2018. № 7. С. 103–107. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36387110>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ynaerv>.

11. Молюянов А. О., Семенов Я. И. Астрент как стимулирующая мера при исполнении обязательств // Вестник науки и образования. 2019. № 12–1 (66). С. 32–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38471927>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uktgvu>.

References

1. Zaitsev V. V. *Obespechenie ispolneniya obyazatel'stv: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya: monografiya* [Enforcement of obligations: history, modernity and development prospects: monograph] Moscow: Statut, 2021, 396 p. Available at: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=40088> [in Russian].
2. Gongalo B. M. *Izbrannoe: v 5 t. T. 1. Grazhdanskoe pravo. 1992–2002* [Selected works: in 5 vols. Vol. 1. Civil law. 1992–2002]. Moscow: Statut, 2021, 416 p. Available at: <https://www.estatut.ru/download.php?trid=4201> [in Russian].
3. Shershenevich G. F. *Izbrannoe. T. 5: Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. Vstup. slovo, sost.: P. V. Krasheninnikov* [Selected works. Vol. 5: Textbook of Russian civil law. Introductory word, compiler: Krasheninnikov P. V.]. Moscow: Statut, 2017, 832 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t5/ [in Russian].
4. Ananov S. A. *Rol' i mesto nepoimenovannykh sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv v grazhdanskom zakonodatel'stve* [The role and place of innominate ways to ensure fulfillment of obligations in civil law]. In: *Nauka. Obshchestvo. obrazovanie: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 25 fevralya 2018 goda. Pod obshch. red. Barashevoi E. V.* [Barasheva E. V. (Ed.) Science. Society. Education: proceedings of the All-Russian research and practical conference, Irkutsk, February 25, 2018]. Irkutsk: OOO «Setevoi institut dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya», 2018, pp. 4–7. Available at: <https://posidpo.ru/ananov-s-a-rol-i-mesto-nepoimenovannykh-sposobov-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv-v-grazhdanskom-zakonodatelstve/> [in Russian].
5. Zardov R. S. *Zakonnaya neustoika v rossiiskom prave: monografiya* [Legal forfeit in Russian law: monograph]. Moscow: Yustitsinform, 2020, 228 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=361772> [in Russian].
6. Kanaeva A. V., Dobrynina O. I. *Astrent: istoriya razvitiya i etapy stanovleniya v rossiiskom prave* [Astrent: history of development and stages of formation in Russian law]. *Innovatsionnaya ekonomika i pravo* [Innovative Economics and Law], 2019, no. 2 (14), pp. 71–80 Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42931308>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zzywe> [in Russian].
7. Shevergina T. V. *Sudebnaya neustoika (astrent): voprosy teorii i praktiki* [Judicial forfeit (astrent): issues of theory and practice]. In: *Nauka molodykh – budushchee Rossii: sbornik nauchnykh statei 2-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh: v 5 t., Kursk, 13–14 dekabrya 2017 goda. Otvetstvennyi redaktor A. A. Gorokhov* [Gorokhov A. A. (Ed.) Science of the young is the future of Russia: collection of scientific articles of the 2nd International scientific conference of promising developments of young scientists. In 5 vols, Kursk, December 13–14, 2017]. Kursk: Zakrytoe aktsionernoe obshchestvo «Universitetskaya kniga», 2017, pp. 175–178. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31738643>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ybcdxi> [in Russian].
8. Vitryansky V. V. *Reforma rossiiskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi: monografiya* [Reform of the Russian civil legislation: intermediate results: monograph]. Moscow: Statut, 2017, 431 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=335722>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29348500>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ysgbkp> [in Russian].
9. Parfenchikov A., Yarkov V., Bonner A. [et al.] *Astrent v rossiiskom prave* [Astrent in Russian law]. *Zakon* [Statute], 2014, no. 4, pp. 34–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22296671>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stxwkr> [in Russian].
10. Koltsova L. N. *Sudebnaya neustoika (astrent) kak mera otvetstvennosti dolzhnika za neispolnenie sudebnogo resheniya* [Judicial penalty (astreint) as a measure of the liability of debtor for non-execution of judicial decisions]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Pravo. Upravlenie*, 2018, no. 7, pp. 103–107. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36387110>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ynaerv> [in Russian].
11. Moluyanov A. O., Semenov Ya. I. *Astrent kak stimuliruyushchaya mera pri ispolnenii obyazatel'stv* [Astrand as a stimulus measure in execution of obligations]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 12–1 (66), pp. 32–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38471927>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uktgvu> [in Russian].